

A movie poster for the Russian film 'The Last Victim'. The central figure is a man with a beard and a forehead wound, wearing a dark, splattered trench coat. He stands in a dark, atmospheric hallway. To his left, a long staircase leads upwards. To his right, a woman in a long, dark, flowing dress stands in a brightly lit arched doorway, her back to the camera. The overall mood is dark and suspenseful.

АНДРЕЙ ДОРОГОВ

ПОСЛЕДНЯЯ
ЖЕРТВА

18+

Андрей Дорогов

Последняя жертва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71985733

SelfPub; 2025

Аннотация

Смутные времена настали в жизни капитана полиции Егора Дымова.

Проблемы со здоровьем. Разлад с женой. А тут ещё и дело о ритуальном убийстве, над которым он безуспешно бьётся, у него забрали.

У капитана есть три дня, чтобы найти убийц. Одна проблема – зацепок почти нет. Только невнятные показания о странно одетых незнакомцах, виденных рядом с квартирами убитых, и наркотиков, сожжённых на местах преступлений.

Ухватившись за кончик ниточки, Егор пускается на поиски убийц. Прежде чем он найдёт их, много людей пересекут его дорогу. Это и бывший дворовый приятель Игорь, наркоман и мелкий дилер, укравший большую партию «товара» у цыган. Продажные полицейские. Девушка, оказавшая помощь Егору и в которую он влюбился. Содержатели притона и весёлые хозяева «сквота», у которых видели убийц.

Идя по следу сектантов от одних свидетелей к другим, Дымов неумолимо приближается к хладнокровным убийцам. Сектанты,

предупреждённые своими покровителями, в свою очередь ищут встречи с Дымовым.

Содержание

От автора	5
Пролог	8
1	13
2	23
3	42
4	49
5	55
6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Андрей Дорогов

Последняя жертва

От автора

Все персонажи данного романа выдуманы лично мной, то есть автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами и событиями, которые происходили, происходят или будут происходить, всего лишь случайность. Которую можно объяснить подключением сознания автора, то есть меня, к ноосфере, которая, как известно, хранит в себе всё что происходило, происходит и даже то, чему ещё только предстоит произойти. Подключение это обычно происходит во сне, и многое из того, что автор подсмотрел в ноосфере, он забыл, а всё остальное сильно исказил в силу плохой памяти и скудной фантазии.

Город, описанный в произведении, существует на самом деле, но только в памяти писателя, то есть меня. Не ищите в нём знакомых улиц, дворов, домов. Это лишь старая, выцветшая, местами прожжённая жизнью и сигаретами фотография.

Также автор, то есть я, резко отрицательно относится к наркотикам. И, к так называемым лёгким, и к тяжё-

лым, а также к веществам растительного происхождения и синтетического. Автор: то есть я, призывает всех, ни в коем случае их не пробовать.

Автор, то есть я, также категорически не приемлет насилия как физического, так и морального и психологического.

Автор, то есть я, приносит извинения читателю за использование обценной лексики в произведении: это он, то есть я, не со зла, так требовала структура, форма и стиль написания произведения. Я постарался минимизировать её использование, но не в ущерб смыслу, а всё что использовалось, старательно записал.

И автор, то есть я, клятвенно обещает, при следующей правке вымарать весь сленг, арго и феню с матом, но только после того, как всё это исчезнет из нашего лексикона.

Добро пожаловать в мир капитана Дымова. Аминь.

Всегда с уважением, автор, то есть я.

Мне отмщение, Аз воздам.

Апостол Павел (Послание к римлянам. 12:16-21)

Делай, что должно, и будь что будет.

Поговорка

...И никого не защитила

Вдали обещанная встреча,

И никого не защитила

Рука, зовущая вдали...

Александр Кочетков (Баллада о прокурённом вагоне)

Пролог

Трое в чёрном – юная миниатюрная блондинка, высокий, широкоплечий парень и мужчина возрастом хорошо за пятьдесят, с угловатым суровым лицом – работали споро.

Быстро и бесшумно они расчистили комнату от мебели и покрывавшего пол ковра, даже темнота, разгоняемая только слабым светом уличного фонаря, им не помешала.

Едва они освободили пространство, от окна в центр комнаты шагнул мужчина, укутанный от горла до стоп в полотняную хламиду. Был он не молодой и не старый, среднего роста и среднего телосложения, со смазанными чертами лица, словно кто-то прошёлся ластиком по его облику, стирая приметы, будто нарочно делая безликим, не запоминающимся.

– Дети мои, готовьте донора, – негромко скомандовала безликий.

– Да, отец, – девушка почтительно склонила голову.

– Да, отец, – эхом откликнулся парень, повторяя её жест.

– Старший, готовь снадобье.

Мужчина кивнул, и, ловко орудуя медным пестиком, начал перетирать в покрытой узорами и сакральными символами медной чаше сладко и остро пахнущую траву.

Молодые подручные начали срезать с лежащей на диване девушки одежду. Та, опоенная какой-то гадостью, не сопротивлялась им, бессмысленно и безвольно глядя в потолок.

широко открытыми серыми глазами. Действовали они ловко, не мешая друг другу, было видно – такое они проделывали не раз, и каждому была известна его роль. Освободив жертву от одежды, парень с девушкой негромко замычали тягучий, угрожающе-заунывный мотив.

Тот, кого называли отцом, скинул с плеч хламиду, оставшись в одних штанах небелёного полотна. Запустив пальцы в резной тусок, притороченный к верёвке, опоясывающий талию, он, забормотав что-то, напоминающее молитву, принялся мелом вычерчивать на полу пятиконечную звезду. Закончив рисовать, он легко подхватил девушку на руки и аккуратно положил её в центр нарисованной пентаграммы. Роскошная грива русских волос жалко разметалась по полу.

Пока безликий вычерчивал вокруг распростёртой фигуры узоры и письма, старший высыпал перетёртую траву в жестянки и, поставив их возле четырёх лучей звезды, поджог.

Тяжёлый удушливо-сладкий аромат слился с тягучей мелодией, звучащей в комнате. Клубы, кружась затейливыми узорами, словно бы впитывали в себя те редкие проблески света, что ещё оставались в комнате.

Едва закончив чертить последний символ, отец скомандовал.

– Ведите реципиента.

Парень с девушкой, не прекращая вполголоса заунывно петь, ввели в комнату молодую очень худую девушку. Желтовато-серые, словно солома, волосы неопрятными косма-

ми свисали вдоль измождённого, с запавшими щеками лица. Тёмные, почти фиолетовые круги вокруг прикрытых глаз, тонкие бесцветные губы крепко рта страдальчески искажены, движения худого тела, неловкие и замедленные, выдавали в ней глубоко больного человека.

Уложив её рядом с обнажённой девушкой так, что их макушки соприкоснулись, подручные безликого отступили и принялись стягивать с себя одежду.

«Отец», всё так же читавший нараспев не то молитву, не то заклинание, опустил на колени рядом с телами. Вее-ром разметав русые волосы первой девушки, он смешал их с блёкло-соломенными прядями второй.

За его спиной встал обнажённый по пояс старший. Его жилистый, совсем нестариковский торс покрывали синие пятна татуировок. Положив ладони на плечи коленопреклонённого отца, он подхватил заклинание, искусно вплетя свой голос в голос отца. На его спину опустились широкие ладони парня, до половины прикрыв криво набитые синие купола. Замкнула цепочку девушка, пальцы тонких рук вцепились в тугие валики мышц на плечах парня, а голос усилил звучащее в комнате заклинание.

Левой рукой отец достал узкий, с листообразным лезвием нож, приставил его к горлу обнажённой девушки и прекратил песнопение. Как по команде замолчали и остальные. На миг в комнате повисла тишина, пространство начало дро-биться, идти волнами, распадаться клочьями, наполняться

мраком. Тьма сгустилась и покрывалом легла на плечи присутствующих. Сквозь неё проступили зыбкие, не оформившиеся, постоянно меняющие форму тени. Обступив фигуры, тени замерли.

Лёгким, почти нежным движением, словно не резал, а гладил, отец провёл ножом по горлу девушки. Под тонким и острым лезвием плоть разошлась, а после сомкнулась, будто и не было страшной раны. Отложив нож в сторону, отец положил указательный и большой пальцы левой руки на открытые, бессмысленно смотрящие в потолок глаза донора. Пальцы левой синхронно легли на закрытые глаза реципиента. Рана, словно только и ждущая этого движения, чуть разошлась, справа и слева на белой коже проступили маленькие, не больше булавочной головки, рубиновые капли. Помедлив, они нехотя скатились по гладкой коже и упали на вычерченные мелом знаки.

Безликий снова затянул заклинание, следом его слова подхватил и остальные. Медленный вначале темп ускорился, кровь, подчиняясь ритму, ускорила бег. Она уже не капала – лилась тонкой, с каждой секундой усиливающейся струйкой.

Кровь бежала по письменам, повторяя их узор, пока не замкнулась в круг. Пальцы левой руки отца засветились слабым багровым светом. По обнажённому телу донора пробежала дрожь, передалась отцу, подхватила свечение и понесла его к замыкающей цепочку девушке. Между её лопаток цвет сменился с красного на нежно-голубой и, замыкая круг по

правой руке, вернулась к безликому. Пальцы отца, лежащие на веках больной, затеплились голубым. Свет помедлил, на-капливаясь, и потёк в девушку.

Кожа донора, до этого гладкая и здоровая, стала блёкнуть, наливаясь нездоровой бледностью, волосы потускнели и потеряли свой блеск. Тело девушки словно бы усыхало прямо на глазах, теряя что-то важное, что-то, что наполняло её энергией и жизнью. Реципиент же, наоборот, словно расправлялась: волосы её перестали походить на лежалую прошлогоднюю солому, кожа на лице разгладилась, исчезли мешки под глазами, бескровные до этого губы, перестав страдальчески кривиться, набухли и порозовели.

Обнажённое тело вздрогнуло последний раз и замерло, свет на кончиках пальцев отца медленно погас, ещё через мгновение человеческая цепочка распалась.

Сегодня. День

Холод был, конечно, дикий. Ладно, хоть «Аляска», на которую Егор сменил пальто, грела не в пример лучше, и он нашёл «Вялого», прежде чем окончательно замёрз.

Своего стукачка Егор заметил на полпути к его дому. «Вялый» вывернул из-за угла, метрах в десяти впереди, что-то бубня в телефон и быстро идя ему навстречу. В первое мгновение Егор не узнал старого знакомого. Тот был сам на себя непохож. Модная дутая куртка, спортивные штаны с тремя полосками по бокам, высокие кроссовки. Куда только подевался недавний «торчок», в изгвазданном пуховике и мятых, с вытянутыми коленями штанах на полусогнутых ногах. «Вялый», занятый разговором, не узнал Егора, ну а Егор не стал торопиться и кидаться к нему с радостными объятиями. Низко склонив голову и спрятав лицо в тени капюшона, Егор развернулся спиной к стукачу и, подождав, пока тот пройдёт мимо, не спеша, последовал за ним. Ему стало интересно, куда так торопится новая версия «Вялого». Его в пору было переименовывать из «Вялого» в «Бодрого», можно даже в «Делового». Жаль, что прозвища, удачно приклеенные в детстве, остаются со своими хозяевами до самой смерти. Это вам не ник в сети, где лёгким нажатием пальца можно прописать себе любое имя.

«Вялый» закончил говорить по телефону, но не спрятал его в карман, а начал что-то искать в нём. Дойдя до старых, щитовых домов, когда-то выкрашенных ядрёной жёлтой краской, а нынче совсем облезлых, он быстро огляделся и, протиснувшись сквозь погнутые прутья ограды, метнулся во дворы.

Ну, ясно, за закладкой рванул, ну кто бы сомневался – внешность изменилась, нутро осталось прежним. Выждав пару минут, Егор проследовал за ним. «Вялого» он обнаружил в глубине двора, за полуразвалившимися гаражами. «Торчок» сидел на корточках, запустив руку, чуть ли не по самое плечо, в простенок между гаражами, и азартно шебуршился там, пытаясь что-то нащупать. Он был так занят поисками, что не услышал, как Егор, поскрипывая мёрзлым настом, подошёл к нему на расстояние вытянутой руки.

Дождавшись, когда радостно хрюкнувший «Вялый» вытянет руку с зажатым в кулаке пакетом, Егор рывкнул.

– Стоять, бояться! Мордой в пол и не двигаться! Работает ОМОН!

Гоша дёрнулся, попытавшись вскочить и отбросить от себя пакет, но Егор уже навалился на него. Одной рукой он припечатал «Вялого» лицом в снег, другой сдавил пальцы с зажатым пакетом так, чтобы Гоша не смог его выкинуть, и заломил руку за спину.

– Так, так, так. Игорь Валерьевич Вялых, что тут у нас?

Егор придавил спину Гоши коленом и выдернул пакет из

его руки. Прямоугольный свёрток размером с две ладони, сантиметров в пять толщиной и тяжёлый. Тянул пакет, упакованный в фольгу, целлофановую пупырку и обвязанный в несколько слоёв скотчем, на полкило не меньше.

– Ой, гляди-ка, статья два два восемь точка один. А, Игорь Валерьевич, от десяти до двадцати, вам светит.

– «Дым», ты? – просипел «Вялый», наконец, узнавший голос Егора. – Отпусти, башку отморожу.

– Я, Гоша, я.

Егор отпустил «торчка»¹.

– Ай-я-я-яй, как же так, Гоша, чё за блудняк? – он подкидывал пакет в руке. – За тобой такого не водилось. По мелочи закладки раскидать, это ты, конечно, только в путь. Но чтобы полтонны, и это судя по упаковке, не разбодяженный? Ну, прям наркобарон.

Егор ещё раз подкинул пакет в руке и сунул его в карман. Он смотрел как Гоша, глядя куда-то в сторону, растирает запястье.

– Что, в заначке? Хмурый, белый китаец? Спидаы, спайсы или что похлеще?

– Не знаю, – «Вялый» всё так же смотрел в сторону. – Ты чё, обноовцем² заделался?

– Ну, нет, что ты, как можно? Это привилегия майора Сидорова, Кирилл Матвеевича, такую шваль ловить.

¹ Торчок – наркоман (жаргон)

² ОБНОН – Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Егор усмехнулся, ожидая реакции Гоши, на фамилию грозы местной наркомафии. Не дождавшись, продолжил.

– Как? Будем ему звонить? Я думаю, он мне огромнейшее спасибо скажет, за такой подгон, полкило «дури», и клиента готового, на статью. А, как думаешь?

– Егор, честное слово, – зачастил Гоша, – это первый раз, за долги меня подтянули. Я в натуре не знаю, что там. Не надо! Это же реально срок неподъёмный. Ты о матушке моей подумай...

– Ты, б..я... – Егор вызверился по-настоящему. – Ты, сука, ты о тёте Лиде даже не заикайся!

Он подскочил к «торчку» вплотную и резко боднул его лбом. Недостаточно сильно, чтобы сломать нос, но достаточно, чтобы «Вялый» охнул, схватился за лицо и, опустившись на корточки, тяжело и прерывисто задышал.

– Ты, сколько ей крови выпил, падла. Это ты, оказывается, о ней думал, когда обожравшись этого «дерьма», квартиру в щепки разносил? Ах, прости – это ты о ней заботился, когда из дома последнее тащил во время «тряски»³ или когда «алёнку»⁴ словил, и тебя едва откачали?

От резкого движения, где-то внутри Егоровой головы, что-то скрипнуло, сошло с привычного места и запульсировало, посылая сигналы боли в левый глаз. Пока ещё слабые, но за болью, Егор знал – дело не заржавеет, ещё полчаса и

³ Тряска – ломка (жаргон).

⁴ Аленка – передозировка (жаргон).

она начнёт биться о стенки черепа в полную силу.

Егор смотрел, как сквозь прижатые к носу пальцы Гоши, марая и так грязный наст, закапали алые капли.

Вместе с этими каплями, бившими в снег в такт с болью, уходила злость Егора. Её подменяла привычная усталость и безразличие.

«Какого хрена, он вообще тут делает?! Бьёт этого обдолбыша, ищет упырей. На хрена? Швырнуть «Вялому» его «дерьмо»⁵, и пусть катится на все четыре стороны. А, самому пойти к Ольге. Наполнить ванну горячей водой, лечь в неё вместе с девушкой, чтобы она прижималась спиной к его груди, прямо как в кино и чтобы тихо бормотал кассетник. Что-нибудь вроде:

*Сказку не придумать, счастье не украсть.
Кто потом поможет нам с тобой упасть?
Видишь, как за нами рушатся мосты,
Остаётся пыль на словах пустых.*

*Ты слушаешь шёпот неведомых слов,
И кружится голова...
Дай себя сорвать,
Дай, дай, дай...⁶*

⁵ Здесь наркотик.

⁶ Пикник – Дай себя сорвать.

Лежать в горячей воде и наслаждаться теплом и покоем. И чтобы все отправились к дьяволу. И Гоша, и маньяки эти, и работа, и Людмила. Чтобы они остались с Ольгой вдвоём».

Но вместо этого он выцарапал непослушными пальцами из кармана платок и швырнул его «Вялому», который всё никак не мог остановить кровь из разбитого носа.

– Прижми, к носу, и башку к небу задери, полюбуйся нашим небом, а то нескоро его увидишь. На Колыме оно другое... – продолжил Егор кошмарить «Вялого».

– Откуда знаешь? – огрызнулся тот. – Бывал?

– Да нет. Наслушался баек от таких, как ты. Кому ты должен?

– Цыганам, – неразборчиво пробубнил Гоша, сквозь прижатый к лицу платок.

– Они что, совсем берега попутали? Такую массу посреди города прятать? Охренеть! Они не боятся, что какой-нибудь «банчила»⁷ их «дерьмо» найдёт и подрежет?

– Нет. Левый «алик»⁸ «яму»⁹ не найдёт. У них всё чётко, – Гоше, наконец, удалось остановить кровь.

Он протянул изгвазданный кровью платок Егору.

– Подотрись им, – Егор посмотрел на платок и устало продолжил. – Что делать будем, Гоша? Я устал от тебя и твоих проблем. Раньше ладно, ты хоть что-то в клювике приносил,

⁷ Банчила – человек перепродающий наркотики (жаргон).

⁸ Алик – раскладчик или покупатель наркотиков (жаргон).

⁹ Яма – место, где спрятаны наркотики (жаргон).

а теперь? Я всё-таки закрою тебя, лет на пять. Тётя Лида спокойно поживёт, да и тебе лучше. А то с цыганами ты точно на «чирик» присядешь.

– Да я клянусь, Егор, это первый раз, он же последний, долг закрыть. Я чистый. Ты на меня посмотри, я уже полгода ни-ни, ни в вену, ни в ноздрю. Я работаю.

– Не свисти. Кто тебя, кроме как «минёром»¹⁰ возьмёт?

– Б..ля, буду, Егор, чем хочешь, поклянусь. Я курьером работаю, пиццу доставляю.

– У-гу, вместе с десертом. Который «стафф»¹¹ называется. Потому как забегали глаза «Вялого», он понял, что попал в точку.

– Егор, я только натурашкой банчу, и то редко и не всем, никакой «химозы». Чем хошь, поклянусь. Не надо меня закрывать.

– Прошу, – он молитвенно сложил руки на груди, – отпусти, если я это «дерьмо» хозяевам не отнесу, мне хана. Тогда хоть на Колыму, хоть в Магадан, хоть куда, меня всё равно найдут и всё, пи...сики мне, смерть моя на тебе будет. А я тебе что-нибудь шепну, ну, если чё узнаю. А, Егор, ну, войди в положение... Ну, реально ведь кранты будут...

«Вялый» ещё что-то говорил, но Егор его не слушал. Подняв голову к небу, он посмотрел на тёмное, почти чёрное небо и невпопад подумал.

¹⁰ Минёр – человек делающий закладки (жаргон).

¹¹ Стафф – общее название наркотиков (жаргон).

«Вот ведь мороз лютый, а небо такое, словно тучами беременное, того гляди снег пойдёт. А ведь так не бывает, чтобы и мороз, и снег».

– Что, ты мне шепнёшь, друг мой, Игоряша, если ты завязал? Ну, как ты говоришь.

И добавил не в тему.

– Устал, я. От работы этой сволочной, от тебя, от жизни. Всё обрыдло, ни семьи, ни здоровья. Одни вы упыри вокруг. Надоело. На хер, вас всех, в пи..ду. Сдам я тебя Сидорову.

Пуускай он решает, что с тобой делать. Крутит, вертит, прессует, глядишь, сдашь ты цыган, мир чище станет.

– Ты, дурак, Егор, – почти простонал побелевший от страха «Вялый», – ты, чё думаешь, эти цыгане сами по себе? Херов там тучу. «Сидор» их и грет. Меня ж в хате удавят потихоньку. И тебя потом заодно грохнут. Ты же принципиальный, в обратку не сыграешь, а «Сидор» это знает. И меня загубишь и себя.

Егор прикрыл глаза, он замёрз и его начало знобить.

«Может и правда, пошло всё белке в дупло? Прийти в отдел, написать по собственному, сдать ствол в оружейку, «ксиву» заму по кадрам. И к Ольге, и укатить с ней от этого холода, как она тогда сказала – ...холод снаружи, холод внутри..., туда, где море, солнце и жара. В Тай или к вьетам, или к индусам на Гоа. Деньги он достанет. Вот они на кармане лежат, плитка «химозы» в полтонны весом. Сколько это по баксам? Даже если там самый дерьмовый «белый китаец»

то лет на десять безбедной жизни в Юго-Восточной Азии им хватит. Там на Малайзийских или Индонезийских островах им затеряться как два пальца обоссать, никто не найдёт, тем более цыгане. А если хату оперативную продать, есть у него выход на риелторов, да и «доки» на квартиру у него припрятаны в надёжном месте, будет, вообще зашибись».

– Трое, во всём чёрном. Двое высоких, один пониже, возможно, девушка, – Егор устало и безразлично бросал слова в пустоту между ними. – Появились на районе недавно. Что, знаешь?

И добавил, вздохнув.

– Вспоминай тщательно, Игорёк. От этого зависит... сам, знаешь что.

– Трое, в чёрном, девка... – неразборчиво бормотал себе под нос «Вялый». – Бля, Егор, не знаю!

– Ну, как знаешь, – Егор вжикнул молнией «Аляски» и достал «Пал Макарыча»¹² из «оперативки». Грудь сразу заохлодило, и он поспешил застегнуться.

– Тогда пойдём.

– Да, погоди, Егор, я думаю, думаю.

– Ну, думай.

Боль в голове усилилась. Теперь это был не перестук молоточков, а удары кузнечного молота.

Егор убрал, вдруг показавшийся ему неподъёмным пистолет, но не в кобуру, а в глубокий боковой карман куртки.

¹² Пал Макарыч – пистолет Макарова (ПМ) (жаргон).

– Пять минут тебе. Я отойду пока. И не вздумай сдристнуть. Я тебя всё равно найду, а не я, так цыгане. А так, если надумаешь что, глядишь, фортуна и повернётся к тебе пере-
дом.

Егор заскочил в первый попавшийся подъезд. Поднялся на площадку последнего, третьего этажа, и, воровато оглянувшись «взорвал» загодя приготовленную «торпеду». Боль отпустила почти сразу. Накатила расслабленность и лёгкость, которые, впрочем, быстро прошли. Он горько усмехнулся, что же это теперь ему всю жизнь на «ганжике»¹³ сидеть?

Ткнувшись лбом в грязное стекло оконного проёма, и, устало прикрыв глаза, Егор попытался понять, где та развилка, на которой он свернул не на ту тропинку. Которая привела его на замызганную лестничную площадку грязного подъезда. Когда это случилось? Может быть, вчера? В тот момент, когда его накрыл приступ головной боли на пороге квартиры «Вялого»?

¹³ Ганжик – ганджубас – наркотик (жаргон).

Вчера. Ночь

Он стоял, прижавшись к еле живой батарее, лоя спиной крохи тепла. Пальцы в ботинках почти не ощущались, а зубы не стучали только потому, что крепко сжимали жёлтый сигаретный фильтр. Руки он просунул меж ребристых секций батареи, но это мало помогало, холод, казалось, охватил всё тело, не добравшись только до головы. Чудилась она раскалённой сковородой. Он пощупал лоб, тот и вправду был горячим. А может, это ему только, казалось, пальцы были, что твой лёд – почти безжизненные. Пульсирующее пятно боли в левом виске странным образом отдавалось сосущей болью в желудок, и от этого слегка подташнивало.

Глухо застонав, он нашарил негнушимися пальцами в кармане коробок спичек. Прикурил. Вышло не с первой попытки, но, в конце концов, кончик сигареты затлел алым. Он затянулся и тут же выплюнул сигарету. Горький дым, проникший в лёгкие, подумав, двинулся обратно и потянул за собой ком тошноты, который застрял в горле. Он согнулся в жёстком приступе кашля, усилием воли пытаясь загнать кислый комок обратно в желудок. Наконец, это удалось, и он часто-часто задышал, словно собака в летнюю жару.

Приступ кашля унёс последние силы, и он тяжело опустился, почти рухнул на ступени, в последний момент, успев

подсунуть под себя папку с документами. Он сидел, широко расставив ноги и положив голову на скрещённые руки. Пальто разошлось, и холод ещё сильнее охватил тело, но запахнуть не было сил.

Мысли ворочались в голове вялыми полусонными осенними мухами.

«Холодно, чёрт возьми, холодно. За это надо поблагодарить доброго тестя. Спасибо тебе папаша. За совет купить пальто из чистой верблюжьей шерсти. Зачем тебе, сынок, дублёнка, это не модно, да и хорошая стоит о-го-го сколько, денюжек-то не хватит, а плохую, зачем покупать? Залоснит-ся, совсем вид потеряешь».

Этим своим – совсем, он словно бы говорил – зятёк, ты и так не слишком презентабелен. А уж эти его – денюжки, сказанные елейным тоном, вызывали у Егора отвращение.

Пятую точку, несмотря на папку и толстое пальто, неприятно холодило. Но этот холод удивительным делом унял тошноту, ещё бы он и боль в голове успокоил, было бы совсем хорошо, но об этом стоило только мечтать. В левой половине головы всё так же удобно устроился колючий шарик боли.

«Давай Егорка, я тебе пальто принесу, настоящая верблюжья шерсть, тепло и солидно. А? Он, конечно же, согласился. Можно подумать, он когда-нибудь не соглашался с папашей. Ха! Попробовал бы он не согласиться. Скандал был бы обеспечен. Тьфу ты!»

Он постарался выкинуть родственника из головы, тот вроде как ушёл, но всё ещё продолжал маячить где-то на периферии сознания.

«О, Господи! Как холодно, и как сильно болит голова!». Мысль повторялась и повторялась, словно поставленная на репит песня.

С трудом отогнав её, Егор прислушался к себе, точно – тошнота ушла. Он надеялся, если не навсегда, то надолго или, по крайней мере, до тех пор, пока он не выкурит сигарету.

Сизый дым немного прояснил голову, Егор даже вспомнил, что он делает в холодном подъезде в десятом часу ночи. Стукачка своего пришёл навестить – Гошу «Вялого». Само собой, «Вялый» это не фамилия, а погребуха, или говоря проще – погоняло, кличка, так сказать, оперативный псевдоним. Гоша был торчком со стажем, и прямо скажем, как осведомитель не особо информативен, хоть иногда что-то полезное в клювике приносил. Егор его не закрыл только по той причине, что они ещё пацанами вместе курили за гаражами и шупали девок на дискотеках, да потому что его мать была подругой Гошиной матери.

Он сплюнул окурок в угол и с трудом поднявшись, подошёл к Гошиной квартире. Вдавил кнопку звонка, прислушался. Где-то в глубине раздался противный дребезжащий звук. Дверь, конечно, никто не открыл.

«Вялый» был ему нужен, не сказать, что дозарезу, но мог он знать кой-какую информацию, касающуюся дела, над которым работал Егор. И в котором не было ни малейших зацепок, но была одна странность, которую и мог прояснить «Вялый». Поэтому Егор, выбирая между возвращением домой, и визитом к «Вялому» выбрал второе. Домой сильно не хотелось.

Гадёныша не было дома, то ли носом повёл и, учуяв, что пахнет жареным, сделал ноги, то ли ведомый, извечной наркоманской жаждой, убежал искать дозу. А может, уже «жахнувшись», блаженно спал где-нибудь в ванной. Водилась за ним такая привычка, пускать «дурь» по венам именно там, где люди обычно принимают душ.

Он пришёл к «Вялому» на квартиру, минут пять звонил в дверь – бесполезно. Потом его накрыло приступом и он, привалившись к батарее, пытался очухаться.

Егор повернулся к двери спиной и в сердцах бухнул ногой в дверь. Раз, другой. Так что по подъезду разнеслось гулкое эхо.

Зря он это сделал, притихшая боль, вновь запустила свои щупальца в его голову.

«Чёрт, с ним, с «Вялым», уходить надо. Вот только на улице холодина, не дойдёт он ни до отдела, ни до дома. Транспорт не ходит, денег на тачку нет. Звякнуть, что ли, в отдел? Пусть машину пришлют».

Он достал телефон. Вяло выругался и вновь бессильно

опустился на папку. Экран китайского смартфона был тёмным. Конечно, с самого утра закрутившись, он забыл его зарядить, и старенький аккумулятор почти совсем не державший заряд сдох.

Егор запахнул пальто, завязал пояс, но теплее от этого не стало.

«Чёртов тесть подсунул это конфискованное барахло. Нет, конечно, пальто выглядело стильно – чёрное, плотное, спускающееся ниже колен. До минус пятнадцати оно ещё грело, но как только столбик термометра опускался ниже, начинало казаться, что он выходит на улицу в одном пиджаке. Конечно, какая к чёрту, верблюжья шерсть – полиэстер пополам с вискозой. Ах да, был всё-таки в ткани какой-то процент шерсти, как говорится, с паршивой овцы».

С наступлением настоящих морозов Егор мёрз в нём страшно – до поджатых яичек и зубовного перестука, и вот умудрился простудиться. Хотя обычно симптомы были другие.

Егор выругался, вышло не злобно, а жалобно и жалко.

Надо было уходить, но силы совсем покинули его. Он снова присел на ступени и уронил голову на сложенные руки. Уснуть бы.

«...Умереть, уснуть, уснуть и видеть сны...»

Но даже этого он был не в состоянии сделать, лишь бесильно сидеть на ледяных ступенях и ждать. Чего? Он не знал. Покоя? Смерти? Избавления? Может быть, чуда?

Егор услышал, как скрипнула дверь, как прошелестели лёгкие шаги и замерли за спиной.

– Простите.

Голос женский, спокойный и усталый.

Он хотел обернуться, но даже для такого простого действия не нашёл сил. Поэтому остался сидеть, как сидел, надеясь, что его оставят в покое и уйдут.

«А может, вызовут наряд? А что, это было бы неплохо, отвезли бы в дежурку. Он бы там отогрелся. Нет, вряд ли. Не тот район. Тут полицию не вызывают. Если только кого-нибудь укокошат, но сейчас не тот случай».

– Вам плохо? – раздалось над самой головой.

«Нет, надо что-то делать. Не сидеть же так, а то, в самом деле, окочуришься».

Егор, преодолев слабость, поднял голову и повернулся. Перед ним, присев на корточки, на расстоянии вытянутой руки сидела девушка, женщина? В тусклом свете, слабенькой лампочки, светившей ей в спину, определить возраст было невозможно. Он лишь разглядел толстый халат, в который она была закутана.

– Кха-кха, – Егор откашлялся, – да, вот, что-то не может-ся.

Женщина молчала.

Егор разозлился.

«Какого хрена, она тогда вышла, чтобы вот так сидеть и смотреть на него, не фиг тогда было вылазить. Или он её раз-

будил, когда ломился к «Вялому»? Да и хрен с ней».

Егор опять положил голову на руки.

Неожиданно он почувствовал, как его подхватили подмышки и потянули вверх. Попытка поднять его провалилась, она лишь вызвала новую волну боли.

– Не надо, – жалобно попросил он, – оставьте меня в покое. Если я вас разбудил, приношу свои извинения, только не трогайте меня, мне плохо. Я сейчас отсижусь и уйду.

– У вас голова болит, я вижу, пойдёте. Я таблетку дам. Боль пройдёт, и вы пойдёте. Если здесь останетесь – замёрзнете, подъезд почти не отапливается. Или вас ограбят, в лучшем случае, в худшем – убьют. Пойдёмте, пойдёмте. Вот обопритесь на моё плечо. Тут недалеко.

Он тяжело поднялся, опёрся на подставленное плечо – узкое, но крепкое, постаравшись не слишком наваливаться на женщину. Они ввалились в квартиру, и он рухнул на низенький пуфик.

Уф. Егор тяжело выдохнул. Благословенное тепло. В квартире царил полумрак, скрадывавший детали, но и без деталей было видно, что здесь живут, если небедно, то уж точно не шикуют.

Женщина ушла, но вскоре вернулась. Егор увидел перед собой маленькую розовую ладонь с двумя белыми пятточками таблеток и тонкостенный стакан, до половины наполненный водой.

Он проглотил таблетки, не замечая горечи на языке, и от-

пил тёплой воды. Благодарно кивнул. Голова тут же отозвалась болью. Он прикрыл глаза, а через минуту, когда боль угнездилась на привычном месте, спросил.

– Как вы узнали, что у меня болит голова.

– У вас всё на лице написано.

– Да? И что же там написано?

– Складка между бровями, белки с лопнувшими капиллярами, затуманенный взгляд. Жилка на виске набухла и пульсирует.

Голову Егору, кто-то принялся неторопливо набивать ватой, и этот ком погребал под собой боль, загонял её куда-то вглубь. Мысли стали медленными, но более чёткими.

– Откуда такие познания?

Он открыл глаза, но всё ещё не мог разглядеть свою спасительницу. Бра над его головой не горело, а свет, падающий из кухни, освещая фигуру женщины сзади, не давал рассмотреть лицо.

– Я медсестрой работаю, всякого навидалась.

Вата в голове всё прибывала, и боли он почти не чувствовал, вот только слабость в теле никуда не делась.

– Можно позвонить? Мой телефон не выдержал холодов и разрядился.

– Конечно. Только, – она улыбнулась, – мой сотовый тоже без заряда остался, со стационарного наберите, он на кухне.

Егор сделал слабую попытку встать с низкого пуфика. Получилось плохо, он едва не своротил полочку с ключами,

расчёской и прочей женской мелочёвкой. Женщина подхватила его под руку и помогла подняться. До кухни он добрёл сам. В небольшом помещении горел приглушённый свет, а на подоконнике тихо мурлыкал магнитофон. Егор машинально отметил, что тот был старым, можно сказать допотопным, проигрывающим кассеты. Он сел на белый табурет, и наконец, смог рассмотреть женщину.

Рассмотрел и выругался про себя. Никакая это была не женщина. Нет, в смысле гендерной принадлежности, конечно, женщина, но не тётка пятидесяти лет, как он вначале решил, видимо, из-за толстого халата и волос, забранных в пучок на затылке, а вполне себе симпатичная дама. Ненамного старше его. Лет тридцати пяти.

Овальное лицо, бледная кожа, несколько еле различимых веснушек, чуть вздёрнутый нос, печальные глаза и чётко очерченные губы со скорбно опущенными уголками. Рыжеватые волосы, сколотые на затылке, открывали тонкую, беззащитную шею. Одна прядь выбилась и падала на правую щеку. Это прядка, тонкая, чуть вьющаяся, придавала женщине загадочный вид, делая взгляд странным – зовущим и одновременно отстранённым. Словно она видела что-то такое, чего он видеть не мог.

– А вы, извините, не знаю вашего имени, как не побоялись выйти к незнакомому мужчине в такое позднее время, а потом и привести его к себе?

– Ольга, – и чуть помедлив, добавила, – Оля.

– Егор, – он слабо улыбнулся, но Ольга не ответила на его улыбку.

Ольга пожала плечами.

– Я вас знаю.

– Вот как? – Егор попытался вспомнить, где они виделись, но лицо стоявшей перед ним женщины ему было незнакомо. – Откуда?

– В ведомственной поликлинике видела и несколько раз с нашим участковым.

Ольга стояла перед ним, одну руку держа у живота, другой крепко зажав ворот халата у самой шеи.

Плотный, махровый халат с полами почти до пола, не давал понять какая у неё фигура. Егор, почему то решил, что хорошая.

Он молча рассматривал её, не зная, что сказать. Она спокойно, чуть устало смотрела в ответ.

Ольга кивнула на стол:

– Вы, хотели позвонить.

– Да, конечно.

Егор взял со стола трубку радиотелефона. Набрал номер дежурный части. Занято. Подождал, попробовал опять, теперь никто не брал трубку. Егор набрал номер соседа по кабинету Вальки Филатова. Долгие гудки. Конечно, время-то к десяти, он давно дома.

– Никто не отзывается. Я вроде как пришёл в себя, пойду. Вам, наверное, спать пора, на работу завтра.

Ольга пожала плечами.

– У меня завтра выходной, я с дежурства.

– Тем более. Я пойду.

Егор сделал попытку подняться, но слабость, как ему казалось ушедшая, навалилась снова, и он брякнулся обратно на табурет.

– Блин, голова кружится, – вырвалось у него.

Ольга сделала шаг вперёд, от движения халат на миг распахнулся, глаза Егора выхватили мраморную белизну бёдер, круглые колени и полные икры. Ольга смутилась, и быстро запахнув полы халата, приложила ладонь к его лбу. Рука её, прохладная, приятно остудила раскалённый лоб.

– У, вас, температура и высокая.

Егор почти не слушал её. Он вдыхал исходивший от женщины запах. Пахло не лекарствами, как можно было подумать, а детским мылом с земляничной, кажется, отдушкой и чистым женским телом.

Он сглотнул, кашлянул и закрыл глаза. Сидеть вот так – с прохладной ладонью, прижатой ко лбу, было приятно. Внезапно его охватила сонливость. Не свинцовая усталость, которую он чувствовал, возвращаясь домой и которая привычно валила его в кровать, словно умелый лесоруб дерево, а приятная и мягкая, словно руки матери, дрема.

– Вы больны, – донеслось до него сверху и словно изда-лека.

Егор чувствовал, что если он сейчас не откроет глаза, то

заснёт и свалится с шаткого табурета. Губы его шевельнулись.

– Что? – переспросила Ольга.

– Поднимите мне веки, – громадным усилием воли он всё-таки открыл глаза. – Что вы мне дали?

– Обычный «Баралгин».

Всё понятно, от всех этих *лгинов* его обычно тянуло в сон. Егор потрянул головой, Ольга убрала ладонь. Он мягко перехватил её руку и вернул себе на лоб. Запястье было таким тонким, что казалось, сожми он сильнее, и косточки хрустнут как лапка малой пичуги.

– Если, вы не против, – голос его хрипел, – постоит так несколько минут, а потом я всё же пойду.

– Хорошо, – покорно согласилась Ольга.

Егор смотрел на неё из-под ладони. Невысокая с узкими плечами она стояла перед ним не шевелясь. Одна рука на его лбу, другая безвольно висит вдоль тела. Между разошедшимся воротом халата он видел тонкие ключицы, впадинку между ними и голубоватую жилку, часто-часто бьющуюся на шее.

Егор прикрыл глаза.

«Вот сидеть бы так вечно. Но он и так злоупотребил гостеприимством Ольги, пора и честь знать. Но, Боже, как же не хочется идти в темноту и холод ночи».

Он собирался открыть глаза и отправиться восвояси. Но почувствовал, как Ольга шевельнулась и придвинулась к

нему. Его накрыло тонким облаком её аромата, а лицом он почувствовал исходившее от неё тепло.

Егор открыл глаза, прямо перед собой, в каких-нибудь паре сантиметров, он увидел вытканых на халате пляшущих котят. Жар, пожирающий его голову, хлынул вниз и охватил всё тело, и от этого он мигом вспотел. Не отрывая взгляда от весёлых кошачьих мордочек, он осторожно положил руки ей на бёдра. Рука на его лбу дрогнула и, скользнув вниз, погладила его по щеке.

Он хотел что-то сказать, но понял, что это вряд ли удастся – слова застряли где-то в животе и никак не хотели подниматься выше. Егор сглотнул, осторожно обнял её за талию и ткнулся головой в живот, лбом ощущая мягкую трепетность её тела.

Егор замер, наслаждаясь покоем. Ольга обняла его за шею, он чувствовал, как её пальцы перебирают отросшие волосы на затылке. Прикосновение было таким приятным, что Егор замычал и, подняв голову, взглянул ей в лицо. В расширенных зрачках он увидел отражение своего худого лица с впалыми щеками и взлохмаченными волосами.

Ольга прерывисто дышала, на верхней губе выступили мелкие бисеринки пота, и ему нестерпимо захотелось слизнуть их.

Из радиоприёмника тихо лилась музыка, и знакомый голос хрипловато-протяжно пел:

*...Да, ты можешь пустить в свою комнату
Пеструю птицу сомнений,
И смотреть как горячими крыльями,
Бьет она по лицу, не давая уснуть.
Что мне мысли твои?
Это жалкая нить что связала и душу и тело.
Нет, должно быть моим твое сердце,
Твое сердце вернет мне весну... ¹⁴*

Ольга моргнула, ещё один локон выбился из сколотых на затылке волос, и упал на левый глаз, наполовину прикрыв его. Её лицо в обрамлении двух выющихся прядок показалось необычайно красивым и грустным. Непонятная тоска лилась на него из светло-карих глаз. А, впрочем, почему непонятная? Вполне себе ясная. Егор, даже в своём, прямо скажем, хреновом состоянии, почти моментально прокачал Ольгу. Возраст – за тридцать, аккуратность и чистота, царящая в квартире говорившие об отсутствии в ней мужчины и детей, плюс безымянный палец без обручального кольца. Ему стало противно и стыдно оттого, что его ищейская сущность преобладает даже в такой ситуации. Песня закончилась и кассета, пошипев усталой змеей, заиграла снова:

*...А она – цветок ненастья,
Кто увидит, кто сорвет?*

*А она всё ищет счастья,
Всё единственного, всё единственного...*

*Путь свой в никуда из ниоткуда
Так пройдем, не вспомнив ни о ком,
Так и оборвется это чудо
Оборвётся просто и легко... ¹⁵*

Ольга наклонилась и коснулась его губ своими. Он плюнул на всё и жадно приник к ней. Губы её, сухие и горячие, раскрылись, и Егор утонул в них и в прозрачно-карих с печалью на дне глазах, которые она не закрыла. Левая ладонь его сжала плотную ткань халата, правая обхватила хрупкое запястье прижатой к его лицу руки. Её тонкие пальцы переплелись с его и...

Она резко отшатнулась, выпуская его руку. Отступила на шаг, дрожащими пальцами заправила выпавшие пряди, и, отодвинувшись от него ещё на шаг, сказала:

– Извини... те.

Егор всё понял, шевельнул пальцами, тонкий ободок обручального кольца отразил тусклый свет лампы.

– Не надо, не извиняйся. Это я должен... – он замолчал, не зная, что сказать. – Я пойду.

– Иди... те, – Ольга не смотрела на него.

Егор видел, как по её щеке скользит слеза.

Он поднялся, слабость куда-то ушла, словно испугавшись нахлынувших на людей чувств. Он шагнул по направлению к двери, Ольга отодвинулась, освобождая ему дорогу, хоть и так стояла, не загораживая выхода.

Егор прошёл мимо, напоследок втянув в себя исходивший от Ольги запах. В спину неслось из магнитофона:

А может быть и не было меня – молчи.

И сердце без меня само стучит.

И рвутся струны сами собой.

Как будто обрывается свет,

А может быть и нет...

А может быть и нет...¹⁶

У самой входной двери, когда пальцы обхватили дверную ручку, он обернулся. Ольга стояла спиной к нему, ссутулившись и крепко сцепив пальцы на ворота халата. Егор вздохнул и, отвернувшись, потянул на себя дверь.

– Стой... – голос Ольги был сухой и безжизненный, словно старый папирус.

Он замер, боясь повернуться и увидеть её слёзы.

– Ты не думай, что я так на каждого бросаюсь, нет. Просто... – голос её дрогнул.

Егор молчал, вслушиваясь в тишину за спиной, ожидая услышать всхлипы.

¹⁶ Пикник – А может быть и не было меня.

– Я не думаю что...

– Подожди, – она прервала его, голос был тихим и твёрдым, – я хочу, чтобы ты знал, такого у меня ещё не было. Просто... Просто ты показался мне таким одиноким и потеряннным. Я... словно почувствовала в тебе родственную душу. – Каждое её слово было пропитано горечью и безнадёгой.

– Не надо... – он хотел сказать, что не надо перед ним оправдываться, но она снова перебила его.

– Надо! Ты выслушаешь и уйдёшь, а мне станет легче. Может быть, станет. Я так устала от одиночества и этой квартиры, от вечной зимы. Зимы даже летом. Это этой стужи, стужи снаружи и стужи внутри.

Слова тяжёлыми камнями били его в спину. Егор не был виноват перед ней, но чувствовал себя виноватым, словно посулил что-то ребёнку, а потом обманул.

– А, ты... А, я... Я на секунду уверилась, вот он тот единственный, долгожданный... Кольца я не заметила, прости. Я говорю глупости, извини, извини и уходи, уходи...

Голос прежде твёрдый, начал дрожать.

Он всё-таки обернулся. Она смотрела прямо на него. Он отпустил дверную ручку и шагнул к ней. Она замотала головой, но шагнула навстречу. Пряди волос упали на лицо, сквозь них лихорадочно блестели глаза. Он снова сделал шаг. Ближе, ещё ближе, ещё...

Егор видел только её лицо, а потом только глаза. Широко

распахнутые, светившиеся затаённой надеждой, тоской, болью, ожиданием и страхом пополам с желанием.

Ольга почти упала в его объятия. Он обхватил её хрупкие плечи, уткнулся лицом в пахнущую земляникой шею и замер, опускаясь в омут нежности. А она всё гладила его по голове и что-то шептала.

Магнитофон тихо вторил Ольге, вплетая в её нежность лирику слов и музыки.

*...Сказку не придумать, счастье не украсть
Кто потом поможет нам с тобой упасть?
Видишь, как за нами рушатся мосты
Остается пыль на словах пустых.*

*Ты слушаешь шепот неведомых слов.
И кружится голова...
Дай себя сорвать
Дай себя сорвать...* ¹⁷

Егор гладил её по плечам, по тонкой спине, ловил губами земляничную кожу. Ольга плакала и смеялась одновременно.

– Иди, – выдохнула она, – иди, иначе я умру. Уходи! Умоляю, уходи!

Он еле оторвался от неё, наверно с таким трудом снеда-

¹⁷ Пикник – Дай себя сорвать.

емый жаждой отрывается от недопитого стакана, или голодный младенец от материнской груди.

– Иди... – Ольга толкнула его в грудь слабым кулачком, одновременно другой рукой, цепляясь за его плечо.

– Уходи! – почти простонала она.

Егор с трудом заставил себя разжать пальцы, держащие её плечо и, рванулся к входной двери. На пороге обернулся. Ольга сидела на полу, подобрав под себя ноги и привалившись плечом к стене. По её щекам текли слёзы.

– Я вернусь, слышишь, я вернусь.

Хлопнула дверь за спиной, а в ушах всё стоял усталый с хрипотцой голос, доносившийся из старенького кассетника:

*...Мы, как трепетные птицы
Мы как свечи на ветру
Дивный сон еще нам снится,
Да развеется к утру.*

*Нет ни сна, ни пробужденья
Только шорохи вокруг,
Только жжжет прикосновенье
Бледных пальцев нервных рук...* ¹⁸

Егор вывалился в ночь и побрёл прочь от дома.

¹⁸ Пикник – Мы как трепетные птицы.

Сегодня. День

Догоревший до пятаки окурок ожёг пальцы, вырвав Егора из воспоминаний. Машинально скатав из бычка шарик, он посмотрел на топтавшегося возле гаражей Гошу. Знал что-то старинный дворовый товарищ, знал. Егор это чувствовал – по виду, по бегающим глазам. Но почему-то мялся, не хотел говорить. Сам замаран? Да, нет, вряд ли. Жидковат товарищ для таких дел. Да и не вязались убийства и наркота, что сейчас лежала в кармане Егора. Никак не бились эти два факта друг с другом.

За спиной лязгнул проворачиваемый в замке ключ, и Егор, не дожидаясь появления разгневанного жильца дома, который будет отчитывать его за курение в подъезде, вернулся к Гоше.

– Надумал что?

Появвшись «торчок» всё же выдал:

– Сам не видел, но мне рассказывали. Были три странных типа, вроде как ты описал. Два чела и тёлка.

– Где видел, кто видел? Чего кота за яйца тянешь? Это пока вообще не инфа, а так – пустота одна.

– На хате, одной, – «Вялый» всё мялся, цедил слова по одному, было видно, ой как не хочется ему говорить об этом

Егору. – Челик¹⁹ один.

– Ты утомил, Гоша. Не хочешь говорить, тогда пошли к Сидорову в гости, или другой вариант – у меня тут три «висяка»²⁰ по «мокрому»²¹ нарисовались, может, слышал? Если хочешь, могу на тебя оформить. Проблема с цыганами сразу отпадёт. А, Гоша?

«Вялый» после этих слов весь как-то сник.

– Хорошо, Егор, расскажу. Только обо мне ни слова, прошу.

Егор кивнул.

– У Алика на квартире они были.

– У какого Алика?

– У «Гуманоида».

– Какого, бля, гуманоида, – Егор начал закипать, – ты, по делу «мести»²² начнёшь, или порожняк гнать продолжишь?

– У Алика «Гуманоида». Погоняло такое. Он... ну короче «банчит»²³ на районе «натурашкой»²⁴, но, только для своих.

– И...

– Ну вот он по приколу и рассказывал, как к нему трое залетело. Два мужика и баба. Все в чёрном, на готов похожие,

¹⁹ Челик – человек (жаргон).

²⁰ Висяк – нераскрытое дело (жаргон).

²¹ Мокрое дело (мокруха) – убийство (жаргон).

²² Мести – говорить (жаргон).

²³ Банчит – торгует (жаргон).

²⁴ Натурашка – наркотики растительного происхождения.

помнишь, были такие лет 10 назад.

– Дальше.

– Всё. Банку «афганки»²⁵ взяли и ушли. Прикинь, сколько он странных типов видал, а таких первый раз.

– Банку? Какую банку?

– Да натуральную, стеклянную, литровую, в которых огурцы солят. Прикинь да, раскумарились ребята.

В голове Егора сразу всплыли слова эксперта:

– Видишь, Дымов, жестянки? В них что-то жгли. И я даже скажу, что – коноплю, и много, очень много...

В голове вспыхнуло красным семафором: горячо, Егор, горячо! Поймал ты, похоже, след. Давай крути «обдолбыша»²⁶ дальше.

– Адрес, давай.

– Егор, на квартиру так просто не войдёшь.

– Вот ты, и поспособствуешь.

– Не, я бля буду, не могу. Ты чё, меня же тогда вообще...

– Что, поставщика боишься потерять?

– Не, ну сам посуди, если я тебя – мента, пардон, полицейского приведу. Мне всё – кранты.

Егор нахмурился, эта пустая болтовня ему порядком надоела. «Вялый», видя это, заторопился.

– Я код тебе дам, ну как войти. Там просто постучишь, особым способом. Вот так – раз, два, три, пауза, раз, два,

²⁵ Афганка – сорт конопли.

²⁶ Обдолбыш – наркоман (жаргон).

три, пауза, раз.

«Вялый» изобразил на торпедо, как надо стучать.

– Тебя спросят – кого надо? Ответишь – Дядю Бо. Только про меня ни полслова.

– Ладно, пошли.

– Я-то зачем?

– А, ты как думал, Гоша? Я такой – спасибо тебе, братуха за помощь, держи свой «банч»²⁷, давай краба и до свидания. Топаю на хату, а там бабка малахольная не при делах. А я такой – здрасте, пожалуйста! Гоша, негодяй такой, обманул меня, ну ладно, домой пойду, чай гонять. Да?

Гоша пожал плечами.

– Я не вру.

– Ты своё «дерьмо» получишь, когда я на адресе побываю и проверю, гонишь ты или нет.

– Ну, ладно, – неожиданно быстро согласился «Вялый». – Не вопрос. Только это далековато отсюда. На Молодёжке. Кругляш знаешь?

Егор знал, этот сталинской постройки радиусный дом. Отсюда и впрямь было далеко, если на общественном транспорте.

– Знаю. Машину поймаем.

– Зачем? – удивился Гоша. – Я на тачке.

Егор искоса глянул на него и спросил с удивлением:

– Давно?

²⁷ Банч – здесь наркотики.

– Ну, как устроился курьером, так служебную и дали. Она тут недалеко.

– Потопали, тогда.

– Потопали, – согласился Гоша. – А то я околею скоро от холода.

Машина у «Вялого» оказалась не «Ока» отрыжка отечественного автопрома, как её называли в народе, на которой каталось большинство автокурьеров, а старенькая, изрядно травленная ржавчиной «восьмёрка».

«Вялый» пиликнул сигнализацией и дёрнул водительскую дверь, та захряхтела, но не открылась.

– Заедает, сука! – извиняющимся тоном произнёс он. – На морозе.

«Вялый» дёрнул сильнее, раз, второй и наконец, с третьей рывка дверь со скрипом открылась.

Рыдван на вид был полнейшим бараклом, но завёлся с пол-оборота, словно и не на морозе стоял.

– Зачётная, тачила, – Гоша любовно огладил обтянутый кожей руль от «Опеля» поставленный вместо штатного вазовского и включил печку. – Слышишь, как мотор звучит?

– Не автолюбитель, мне без разницы, – равнодушно отозвался Егор. – Поехали. Как говорится, раньше сядешь – раньше выйдешь.

– Типун тебе на язык, – Гоша лихо вырулил на проезжую часть. – Всё пучком будет. Я не пи..ил. Сам увидишь.

– Посмотрим, – Егор откинулся головой на подголовник

и прикрыл глаза. – Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Водителем Гоша оказался не слишком опытным, но аккуратным. Видимо, понимал, что с полкило «дерьма» на кармане, глупить на дороге себе дороже.

До радиусного дома они доехали быстро. Дороги в середине дня были полупустыми, да и мороз сделал своё дело, кто-то не завёлся, кто-то решил в такой холод вообще не выходить из дома. Гоша припарковался рядом с домом.

– Вон последний этаж, последний подъезд, квартира прямо напротив лестницы, – объяснял он, – не ошибёшься. Дверь там, как в банке. Стучишь...

– Помню, – оборвал его Егор, – три коротких, три длинных, один короткий, спросить Дядю Бо. Это вообще кто такой?

Гоша захихикал:

– Это не кто. Это что – это «травка».

Егор взглянул на него. Выглядел Гоша спокойным и расслабленным.

– погоди, а как я в подъезд попаду? На звонок домофона они, не ответят, зуб даю.

– А то, в том и фишка, если кто в домофон звонит, значит, точно чужак. К ним по залёту не ходят. Только свои.

– С таким подходом они прогорят.

– Не скажи. У них товар высшего класса, не для уличных «торчков». Код наберёшь, технический, – Гоша продиктовал Егору ряд цифр, – и зайдёшь. Дальше знаешь.

– Хорошо, сколько там человек?

– Ну-у-у, – протянул Вялый, – точно не скажу, я двоих видел, Алик и здоровый такой, Стас, кажется, погоняло не знаю. Они меня никогда дальше коридора не пускали.

– Ладно, на месте решим, – Егор вылез из машины, машинально отметив, что, Гоша тут же перегнувшись через пассажирское сиденье, заблокировал дверь.

Едва Егор скрылся за углом дома, как всё спокойствие и расслабленность слетели с Игоря.

– Сука, сука, сука! – замолотил он кулаками по рулю.

– «Дымяра», сука, ментовской беспредельщик! – орал он в пустоту автомобильного салона.

«Нет, ну, как не вовремя, старый дворовой товарищ, объявился. Какого хера ему надо? Блин, с весны ведь не виделись, а тут он так некстати появился. И это в такой момент, когда полкило «дурика», были у Игоря на кармане. Его, и только его, Гоши, товар, так удачно подрезанный у цыган. Словно чёрт из табакерки выскакивает этот ментяра. Он за ним следил, что ли? Да, нет, не может быть. Случайность, это просто случайность. Или нет?»

Игорь не мог спокойно сидеть, он весь крутился, извивался и подёргивался. Беспорядочно трогал руль, торпеду, включал и выключал магнитола. Очень хотелось «вмазать-ся», пустить по вене «кораблик», или хотя бы «хапнуть» «ганжика». Нет, нет, нет, он, как и клялся Егору, почти полгода был чист, как говорится – ни в рот, ни в жопу. И сейчас спустить на тормозах титанические усилия, приложенные чтобы слезть с иглы, Игорь не мог. Только не сейчас, когда «крупняк» на мази, когда вот он шанс зажить, как хочется, как всегда, мечтал: крутые тачки, стильные тёлки, элит-

ный алкоголь, престижный «флет»²⁸ где-нибудь в центре.

Невозможно, просто дико, зачесались предплечья с внутренней стороны, там, где ещё недавно от локтя к запястью, торила себе «дорогу» жизнь на «хмуром».

Он застонал от этой наркомановской жажды. Хотя бы покурить, не «крэк», или «шишечку», просто сигарет, самых обычных никотиновых палочек. Игорь принялся судорожно искать по карманам сигареты.

Пусто, пусто, пусто!

Застонав от разочарования, он полез в бардачок – там, кроме бумажного мусора: использованных салфеток, смятых стаканчиков из-под кофе, скомканных треугольных упаковок от пиццы и кое-какого инструмента ничего не было.

– А-а-а-а, – он почти завыл, – б..ть, сука, на х.й! Где вы?

Гоша обшарил взглядом салон.

Ведь были же, были!

Вот, они!

Пачка сигарет застряла между «ручником» и водительским креслом, видимо, вывалилась из кармана, пока он бесновался после ухода «Дыма».

Игорь судорожно затянулся, наплевав на просьбу, можно сказать, приказа, начальства не курит в салоне. Постепенно его отпустило.

«Может и правда «Дым» отдаст ему «дурь» и отпустит? Он ведь не знает, что там товар раз в пять дороже «герыча».

²⁸ Флет – здесь квартира.

Гоша захихикал от того, как ловко он обманул мента.

Мысли после схлынувшей волны ярости стали медленными и вялыми.

«Он же всегда был нормальным пацаном, даже когда ментом заделался. Ну да, подтянул его, Игоря, в «соловьи», но ведь не стал оформлять на бумаге, так вась на вась всё проходило, да и выручал не раз, когда он в очередное говнище влезал. Нет, не хера! Когда на кону старая, даже не дружба, а так – приятельство и полтонны первоклассного, чистого, можно сказать высшей пробы «дерьма», нетрудно догадаться, что победит. И товар, «Дымяра», себе заберёт, вон, как у него глаза загорелись, когда он пакет увидел. И его, Игорька, «Сидору» сдаст. Или побоится цыган? Они ведь за такой расклад мочканут его. Не посмотрят, что мент. Товара-то на нехилую сумму, хватит на всё ещё и останется. Он же не знает, что это его, Игорька, товар, его и только его. А цыгане, когда хватятся пропажи, ни хера не найдут, того, кто товар подрезал. Он, Игорь, умный, чисто сработал, без шума и пыли. Нет, не сдаст его «Дым» «Сидору». Он его убьёт!»

От таких мыслей Игоря бросило в пот, в горле пересохло и жутко захотелось в туалет.

«Точно, он его, Игоря, завалит, мочканет по-тихому. Вот прямо тут, в тачке вальнет, или придушит, «Дым», он вон какой здоровый, ему с его силой и борцовскими ухватками кончить Игоря, как в платок высморкаться. Придушит и вывезет в парк. Чё тут ехать-то? Пять минут и на месте. Бросит

где-нибудь в глуши, ветками привалит, потом пара снегопадов и привет, всплывёт его труп только весной. Бля! Что делать, что делать?»

Игорь затрясся от страха и прикурил очередную сигарету, надеясь хоть так успокоить нервы.

«Что делать? Гремел в голове сакраментальный вопрос. Что? Что? Что? Что-что, самому валить ментеныша, вот что. Только, как?»

Опыта убийства, себе подобных, у Игоря не было, хотя такое желание возникало у него частенько, особенно под «спидами». Поэтому он смутно представлял, как это сделать.

Взгляд Игорька остановился на раскрытый бардачок, бесстыдно вываливший своё мусорное нутро на всеобщее обозрение. На глаза попалась отвёртка – чёрная, изрядно пошарпанная резиновая ручка, металлический стержень, странно и страшно блестящий в темноте бардачка. Аккуратно, быстро оглянувшись по сторонам, не идёт ли «Дым», он вытянул её наружу. Рукоять – ребристая и шершавая, удобно легла в ладонь. Игорь провёл пальцами по хромированному, длинному, сантиметров двадцать, стержню, дотронулся до наколенника – острый. Крестовый шлиц бы сбит так, что кончик представлял собой скорее остриё шила, чем отвёртки.

Игорёк представил, как вгоняет отвёртку в бок менту. Раз, раз, раз. А потом в шею, хрясь. А после, как и собирался «Дым», отвозит бездыханное тело, подальше вглубь парка, к старому заброшенному туалету, где никто не ходит, и ски-

дывает тело в раздолбанное очко, и заваливает его мёрзлыми кусками снега.

«Только где его мочить? В тачке? Не, не варик, он здесь всё кровью изгваздает, не отмоешь потом. В нём, в этом кабане ментовском, крови, небось, литров десять. Да и потом, как труп в парк протащить? На машине на территорию не пустят. Нет, нет, нет, надо его в парк вытянуть, сказать, мол, он кой-чего там видел. Не, херня, не поведётся «Дым» на такой развод, он кручёный. В другом месте его мочить надо. Только где?»

Игорь заозирался, словно выискивал место, где привалит наглого «мента». Взгляд остановился на шоссе – прямом и широком, уходящем вдаль.

«Сады, да, сады!»

Дорога тянулась вдоль трамвайных путей, мимо жилых домов – пятиэтажных хрущёвок и трёхэтажных щитовых бараков в сторону аэропорта. И там, между гаражным кооперативом и железнодорожной станцией, раскинулись, уходя вглубь района так называемые сады – дачный посёлок учителей.

«Точняк! Дачи, туда надо заманить «Дыма» и там же прикопать. Как он сразу до этого не додумался? Там сейчас, стопудово, никого нет. Зима, дикий мороз, сугробы, много заброшенных летних развалюх, и полно тайных схронов. Там самое место для зарвавшегося «мента», точнее, для его тела».

Игорь снова захихикал, представив, как прячет тело мента в полуразвалившейся халупе в глубине садовых участков. Он неплохо знал те места. В детстве, лет до пятнадцати, он часто с матерью проводил там лето, в старенькой избушке, доставшейся им от бабки. Пока мать не продала участок. Именно в этом садовом товариществе он и начал свой путь наркомана. Сначала обрывая «беспонтовку»²⁹ и делая из неё «молочко»³⁰ или «жарёху»³¹, а позже собирая мак и варя из его бошек «ханку»³².

Осталось только выманить туда бывшего дворового приятеля.

«Что придумать? Что?! Игорь яростно начал грызть ногти на левой руке. Надуть «менту» в уши ещё об одной нычке «дури»? Нет, «Дым», на такой дешёвый развод не поведётся. Чуйка у него, что надо работает, сколько раз он ловил его на враньё. Надо что-то убойное придумать, что-то такое, за чем он ломанётся, не раздумывая».

Выплюнув отгрызенные ногти, Игорь заколотил по лбу свободной рукой.

«Думай, думай!»

²⁹ Беспонтовка – дикорастущая конопля.

³⁰ Молочко – отвар из молока и кустов конопли.

³¹ Жарёха – жаренная в масле марихуана, иногда с гречей или другой крупой.

³² Ханка – самопальный наркотик, сделанный из сока опийного мака.

Подъезд встретил Егора сумраком и тишиной. Широкая лестница с витыми перилами, громадные окна на просторных лестничных площадках, и удивительная чистота. Со всем не похоже, что в подъезде торговали наркотиком.

Поднявшись на последний, нужный ему этаж, он осмотрелся. Лестничная площадка была чистой, как и весь подъезд. На окне занавески, на подоконнике цветы. Егор усмехнулся прямо образцово показательный подъезд старушек-веселушек. Сбоку, вверх вела лестница, полускрытая потолочной перегородкой. Странно, ещё один этаж? Не должно бы, этот вроде как последний. На всякий случай Егор поднялся по лестнице, не любил он сюрпризов. Нет, это был не этаж. Ступени привели его на небольшую площадку, с которой в потолок уходила вертикальная железная лестница, ведущая к люку на чердак. С площадки сквозь небольшую зарешеченную прорезь в фанерной загородке прекрасно просматривалась лестничная площадка. А вот находящегося в ней человека оттуда, скорее всего, не видно. Егор сделал в памяти пометку, вдруг пригодится.

Вот тут, в этом укромном закутке Егора и накрыло. Тепло налилось тяжестью, ноги ослабли, грудь, словно стянули ремнём, мешающим дышать. Он устало присел на ступеньки, упёрся лбом в сложенные на коленях руки, снова прокручи-

вая в памяти события вчерашней ночи.

Вчера. Ночь. Продолжение

На улице голова слегка прояснилась, Егор чувствовал себя почти в норме и даже почти согрелся.

Он знал – надо торопиться. «Вялого» обязательно надо найти, желательно сегодня. Смерти отделяли друг от друга чёткие временные промежутки. Три смерти. Одна за другой, с промежутками в пять дней. А кто может поручиться, что не будет четвёртой, пятой, десятой? Вот именно – никто. Егор, по крайней мере, точно бы не поручился. Через двое суток наступит тот самый пятый день. Значит, стукачка надо найти сегодня, край завтра и трясти его, пока не расколется до самой задницы и не выложит всё, что знает. Но, вот не факт, что он замешан в этом деле, да и вообще хоть что-то знает. Кто он? Обычный «нарик», плотно подсевший на «дурь» и которому осталось жить от силы лет пять. Качай, качай его. Как он может быть с этим связан? Сатанисты, ритуалы и Гоша – «паршак»³³ со стажем, который за дозу мать родную продаст. Не сходится. Зачем ему впрягаться в «мокруху», за которую пожизненное светит. Мать-то он, конечно, продаст, но убивать не станет. Зассыт, он всегда ссыкливым был, ещё,

³³ Паршак – здесь наркоман.

когда район на район «бодаться»³⁴ ходили, он позади всех держался, а то и слинять норовил. Качай, качай его «Дым», качай!».

Кличка «Дым», тянулась за Егором с ранней юности, по большей части это было производной от фамилии, но не только. На пацанских разборках никто его не мог вывести из себя, заставить разнервничаться, перестать следить за тем, что говорит, и подтянуть за слова. Егор никогда не жестил, не истерил, не впадал в ярость и всегда стоял на своём – спокойно и твёрдо. Всегда Егор утекал из словесных ловушек противников, словно дымок от костра.

Потом прозвище перекечевало в секцию дзюдо. Тренер, Семён Михалыч, однажды услышал, как пацаны так оклика-ли Егора, и, немного подумав, выдал:

– Ты, Егор, и правда, что твой дым, – засмеялся старый тренер, – захочешь в захват взять – не получится, а коли получилось – хрен удержишь, и никакие габариты противника не помогут.

Егор, был среднего роста и не сказать, что крупный, скорее стройный и мускулистой.

Он печально улыбнулся, на это и запала Людмила, девушка серьёзная, умная, знающая себе цену и воротящая нос от тупых спортсменов. Напором и фигурой своей – выпуклой грудью, плоским животом с кубиками пресса и поджарой задницей. Так, по крайней мере, она ему говорила.

³⁴ Бодаться – здесь драться.

Егор дотопал до дороги, и спрятавшись от пронизывающего ветра, за остановкой, прикурил. Первая затяжка пошла легко, а вот вторая... Вторая тяжело ударила в голову, прямо в левый висок, туда, где пряталась боль. И та, проснувшись, вновь запустила свои щупальца ему в мозг.

– О, Господи! – он застонал.

Ноги ослабели, и Егор чуть не упал. Он выплюнул окурок и, навалившись на металлический столб, поддерживающий крышу, плечом прислонился к холодному пластику лбом. Стало полегче, но не намного.

Он постоял пару минут, вроде отпустило.

«Нет, я так точно никуда не доберусь. До дома не дойду, до отдела тоже. Хоть бы патрулька проехала, тормознул бы. Но кто сейчас по морозу кататься будет? Дрыхнут все в дежурке, или шлюх дерут там же. Сдохну по дороге. От боли лопнет что-нибудь в башке и атас, пишите письма, или сознание потеряю и замёрзну. Может вернуться? Нет, только не сейчас, не в таком виде. Что делать? Что делать?! Гошу искать, так я себя найти не могу. Передохнуть надо. Где?»

Он сунул замёрзшую руку в карман. В нём, кроме ключей от квартиры, болталась ещё какая-то тощенькая связка. Два ключа, один из которых, толстая металлическая таблетка – электронный от домофона.

«Как же он сразу не догадался. Вот он выход!»

Ключи он сунул в карман утром, когда забирал «макара»³⁵

³⁵ Макара – Пистолет Макарова (ПМ) (жаргон).

из сейфа, вот тогда, чисто машинально и взял их. Связка была от квартиры отжатой в своё время у бригадира из братвы «Круглого», взятого с парой граммов «беленького» на кармане. И успешно утаённой от бдительного ока начальства. Парни из отдела использовали её кто как мог. Кто как конспиративную хату для встречи с «соловьями», кто для утех с любовницами или не слишком привередливыми и достаточно симпатичными свидетельницами. В общем, каждый пользовался квартирой в меру своих фантазий и возможностей.

Егор сам частенько пользовался её, и всегда по делу. Для наблюдения за объектами и для встречи с информаторами. Квартира была, кстати, неподалёку отсюда. Пять минут хода.

Он постоял ещё немного, потом попробовал пошевелиться – вроде ничего, дойти сможет. Ссутулившись и втянув голову в плечи, так вроде она болела меньше, Егор побрёл в сторону темнеющих справа домов, стараясь не делать резких движений, дабы не спровоцировать новых приступов.

До места Егор добрался без происшествий, если не считать того, что на полпути, нога его скользнула по обледенелой мостовой, и он был вынужден дёрнуться, чтобы не рухнуть на спину. От резкого движения, боль, вконец обнаглев, склизкой медузой, опутала голову. Да так, что потемнело в глазах. Сознание едва не покинуло его, но присев на корточки он переждал приступ. А после, когда в голове немного прояснилось, снова двинул к нужному дому.

Без сил опустившись на пол в маленьком коридоре, Егор

вдруг обнаружил, что папку с бумагами забыл у Оли. Пожалуй, это хорошо. Будет формальный повод заглянуть, хотя он и так бы вернулся. Не завтра, так... А может, сейчас? Нет! Только не сейчас. Сейчас он просто не сможет.

Егор сидел на грязном, истоптанном множестве ног полу, и мечтал, как сейчас бухнется в кровать и забудется блаженным сном, чтобы утром встать и опять рыть носом в поисках «Вялого». Он начал прикидывать, где тот может быть, но понял – в нынешнем состоянии это бесполезное занятие. Ничего толкового он не надумает.

Молотки в голове слегка утомонились, боль не ушла, конечно, но хотя бы дала временную передышку. Егор тяжело поднялся, стараясь не слишком трясти головой, скинул ботинки и, кое-как пристроив на вешалку, ненавистное пальто рядом со старой, давно вышедшей из моды «Аляской», протопал в спальню. Она же гостиная, зал и всё остальное – квартира была однокомнатной. В маленькой, загаженной комнате, кроме громадной кровати, плоского телевизора и DVD-проигрывателя на комод, больше ничего не было. На полу, рядом с кроватью, лежала россыпь дисков. Егор пошевелил их ногой. На него с разноцветных обложек томно глядели грудастые блондинки и брюнетки, да потрясали выдающимися органами здоровенные мужики. Одним движением он запихнул это добро под кровать.

Егор швырнул в угол пиджак, стянул с плеч «подвязку»³⁶

³⁶ Подвязка – наплечная, она же оперативная, кобура (жаргон).

и, не раздеваясь, повалился на любовное ложе – так прозвали кровать опера. Лежать было не просто прекрасно, а удивительно и превосходно. Тупо стучало в голове, гудели натруженные за день ноги, а вот сон не шёл. Казалось, вот оно – долгожданное положение лёжа, закрывай глаза и спи, ан нет.

Егор полежал, поднялся и, кряхтя, как столетний дед, пошаркал на кухню. Скрипнул дверцей старенького «Минска». Кроме сохлого, даже на вид противного сыра, в белом нутре холодильника ничего не было. Зачем он заглянул в него, Егор не знал, видимо, чисто машинально, так как есть не хотел совершенно, а вот чаю выпить в самый раз.

Но, пошарив по полкам, кроме полбутылки дешёвого коньяка, ничего не нашёл. Егор в задумчивости смотрел на коричневую жидкость. Свинтил пробку, понюхал – в носшибануло запахом скверного спирта и сивушных масел. Понятно, бутылка Васи Тюнина, только он мог употреблять такую отраву.

Вернув коньяк на место, он вернулся в комнату и опять повалился на кровать. Закрыв глаза, Егор попытался уснуть. Сон, проклятый, всё не шёл. Такое с ним бывало, когда он, доходя до определённой границы усталости, перешагивал через неё, а потом, ложась в кровать, чувствовал себя совершеннейшим бревном, таким Буратино – одновременно мёртвым и живым.

Раздеться бы и лечь по-человечески, чтобы отдохнуть хоть чуть-чуть, но он ещё не настолько перестал уважать се-

бя, чтобы ложится туда, где перебивало, чёрте знает сколько баб и мужиков. Простыни, скорее всего, не менялись месяцами, девицам которых приводили сюда, было всё равно, где заниматься сексом, а приличных женщин на оперхату не водили.

Егору вдруг смертельно захотелось перевернуться на живот. Он перевернулся щекой на колючее покрывало, и ему показалось, что он лёг лицом на воздушный шарик с водой внутри.

«Чёрт, что это та...»

Он всё понял, встал и сдёрнул покрывало. На серых от времени простынях лежал использованный, а после старательно завязанный презерватив.

– Твою мать, черти! – выругался Егор вслух. – Хоть бы убирали за собой, гады!

Он сгрёб простыню за угол и рывком сдёрнул её на пол. Открыл комод, постельное бельё, лежащее в нём, было не менее серо и пахуче, чем то, что он сбросил на пол. Егор плюнул внутрь и задвинул ящик.

С отвращением посмотрев на кровать, он, подумав, пошёл на кухню. Достал бутылку, и лихо влил в себя половину. Так как пить Егор не привык, то задохнувшись от горечи, хлынувшей по пищеводу вглубь живота, закашлялся.

Отплевавшись, он, прихватив коньяк с собой, вернулся в комнату. Проведя рукой по выключателю, погасил свет и, поставив бутылку на пол, плашмя рухнул на кровать. Лежать с

ногами, находившимися на полу, было неудобно. Егор поёрзал и, подтянувшись на локтях, лёг на кровать полностью.

Тело отяжелело, голова же, напротив, стала необычайно лёгкой. Впервые за этот день, он почувствовал, как боль отступает. Она, эта долбящая изнутри боль, вся как-то скукожилась и, не прощаясь, стала уходить. Но на пороге вдруг остановилась и в нерешительности оглянулась.

– Шалишь подруга, – Егор пьяно рассмеялся в темноту и, нашарив рукой бутылку, глотнул ещё.

Вот теперь боль ушла, и даже дверью на прощанье не стала хлопать.

Правильно, именно так и должна поступать настоящая женщина. Он вновь хрипло расхохотался и блаженно прикрыл глаза. Тяжёлое тело тянуло сознание вниз, в самую глубину сна, но лёгкая голова, пенопластовым поплавком стремилась вверх, на поверхность. Так, он и застрял на границе между сном и явью, в таком полудремотном состоянии, когда находишься ещё не там, но уже и не здесь.

Мысли, в испуге разбежавшиеся от спиртного, набравшись храбрости, стали возвращаться. Станные это были мысли, не мысли даже – размышления. Всё, в чём он боялся себе признаться, осмелело и настырно начало теревить его.

«Обрати на нас внимания, а? Обрати! Хватит убегать и прятаться. От себя не убежишь. А, мы это часть тебя. Может, настало время сесть лицом к лицу и поговорить?»

Егор попытался отмахиваться от них, но тяжёлое тело не

слушалось, и он сдался – поговорим.

Размышления покивали и, обретя вдруг плоть, расселись вокруг него.

Егор обвёл их глазами.

Вот – *тот, кем он был.*

Вот – *тот, кем он не был.*

А, вот – *тот, кем бы он мог стать,* если бы...

Тот, кем бы он мог стать покивал, как бы соглашаясь с ним:

– Вот именно, если бы...

Это если бы имело красивое имя – Людмила.

...Люда, Людочка, Людмила...

Жена его терпеть не могла, когда её называли иначе, чем Людмила. Не признавала она никаких уменьшительно-ласкательных сокращений, а уж от нейтрального Мила, шипела как рассерженная кошка. Чем вызвана подобная реакция, Егор, почти за десять лет супружеской жизни выяснить не смог.

Была она младше его на пару лет. Крепенькая девочка Людмила, с третьим размером груди, упругой попкой и стройными ногами. Круглым строгим лицом и рыжими глазами с загадочной поволокой. Когда Егор смотрел в эти глаза, всё казалось ему, что она чего-то хочет, но сказать или не решается или не может, а может, не хочет. Мол, сам догадайся, разгадай мою загадку. Егор вот, не разгадал, как ни старался.

Привлекла его Людмила своей холодностью и неприступностью. Тем, что в упор не замечала его – красивого парня Егора, звезду спорта и без пяти минут чемпиона. Жаль, но пять минут эти, отделяющие его от международной арены, славы и гонораров, так и не прошли. Досадная мелочь, случайность, ошибка на тренировке, юношеская лихость и бравада подвели красивого парня Егора. Травма колена, врачебная комиссия и как итог – медный таз, если не сказать грубее, накрывший его мечту о славе. Так и остался он у этого самого таза, оказавшегося не медным, а деревянным и разбитым.

Учился он на юридическом, но больше времени проводил не в лекционных залах и пыльной библиотеке, а на татами, оттачивая броски и удержания. Кое-как переползал с тройки на тройку, благо преподаватели закрывали глаза на неуды в учёбе. Все его незачёты перекрывали успехи на спортивных аренах, до тех пор, конечно, пока он завоёвывал золото и серебро, оvation и славу для Университета, пока, казалось бы, пустяковая травма, всё не перечеркнула.

Две дороги отныне лежали перед ним. Первая – заняться тренерской деятельностью, вторая – нырнуть с головой в учёбу. Ни та ни другая его не привлекали.

Видел он таких вот молодых, как он тренеров, которые с пьедестала соскочили, а вот с иглы славы не сумели. И в силу своих способностей подменяли эти дозы суррогатами, кто алкогольными, а кто и наркоманскими. Себе он такого

не хотел, нет уж – спасибо.

Учиться ни сил, ни желания у него не было, но и пути назад тоже. А был камень, в виде травмированного колена лежащий перед ним и два пути, уходящие от него, и право выбирать по какому идти. Только по сравнению с тем, что было у него за спиной, эти дороги были заросшими сорняком тропинками на фоне скоростного шоссе.

Егор взял академический отпуск и принялся штудировать науки, которые он так успешно пропускал занятый погоней за призовыми местами, медалями и кубками.

Травмировался он «благодаря» Людмиле, а точнее, мыслям о ней. Вместо того чтобы следить за противником, полагая его не ровней себе, Егор прорабатывал план завоевания строгой и чертовски привлекательной девушки, которая вот уже второй месяц пренебрегала его настойчивыми ухаживаниями. И закономерно пропустил проход в ноги. Как ни странно, именно эта травма и помогла ему привлечь её внимание.

Вернувшись из академического отпуска, он постоянно ловил на себе взгляды сокурсников – от сочувственных до откровенно злорадных. Как же – наш чемпион спустился с небес на землю, и теперь, подобно простым смертным грызёт гранит науки.

– Привет, Дымов, – услышал он над головой.

– А, что? – Егор сидел в полутёмном зале библиотеки над учебником по криминологии, и почти успел заснуть, убаю-

канный замысловатыми латинскими терминами.

– Привет, говорю, спишь, что ли? – слова были сказаны с иронией, но на лице Людмилы, кроме холодной отрешённости, Егор ничего не прочёл.

– Нет, – он смутился, откровенно говоря, в последнее время, ему было не до женского пола. Всё время и силы забирала учёба.

– А, ты, значит, за ум взялся? – Людмила кивнула на учебники.

– Можно подумать, у меня есть выбор! – фраза вышла злой и резкой.

– Да, ты, не злись, лучше скажи – ты в субботу свободен?

– Тебе зачем?

– День рожденья у меня, хочу тебя пригласить. Придёшь?

Егор пристально всмотрелся в лицо Людмилы. Издевается она над ним, просто прикалывается или говорит всерьёз? Но, по красивому лицу он ничего, как ни старался, прочесть не смог. Поэтому уточнил.

– Ты это всерьёз, или прикалываешься?

– Всерьёз, – она чуть сузила рыжие глаза.

– А, с чего такая милость? То, пару слов для меня жалко, а то вдруг сразу на днюху зовёшь. Жалеешь?

– Жалею? – Людмила пожала круглым плечом. – Мне такое чувство незнакомо. Так ты придёшь или тебя уговаривать надо?

– Нет, то есть да, в смысле, конечно, – и совсем запутав-

шись, пояснил. – Нет, уговаривать не надо и, конечно, приду. Куда?

Люда усмехнулась и назвала адрес.

– Только не опаздывай, в девятнадцать ноль-ноль жду.

Егор кивнул. И только когда она ушла, плавно покачивая бёдрами, он сообразил, что забыл спросить, кто ещё будет.

В субботу в восемнадцать тридцать, дольше терпеть он не мог, Егор стоял у двери подъезда. Сжимая в руке букет – пять головастых, толстостебельных роз.

На звонок домофона долго никто не отзывался, и Егор решил, что над ним зло подшутили. Но, едва он собрался швырнуть букет на землю и обматерить стальную дверь, как из домофона донёсся запыхавшийся голос.

– Да. Дымов, ты?

Он облегчённо вздохнул и выпалил.

– С днюхой!

– Ты рано.

– Э, – он опешил, – боялся опоздать.

– Заходи.

Замок противно запищал, и он потянул на себя тяжёлую дверь. Рывок по лестнице, травмированное колено заныло, но Егор, не обращая на него внимания, пулей влетел на третий этаж.

Замер перед массивной под дерево дверью, он поискал кнопку звонка, не найдя, осторожно постучал костяшками в металлический косяк.

– Заходи, – приглушённо раздалось из-за двери.

Ручка плавно провернулась, и он вошёл в полутёмный коридор. Вопреки ожиданиям из квартиры не доносилось звуков, характерных для весёлой вечеринки. Ни тебе музыки, ни смеха.

В голове мелькнуло, может, он ошибся, и праздник будет не в субботу, а в воскресенье?

– Люда, ты где?

Из-за двери, расположенной справа, донеслось.

– Дымов, дверь закрой на ключ.

Он оглянулся, запер дверь и сказал:

– Слушай, ты чего меня по фамилии зовёшь, у меня имя есть, и почему нет никого?

– Тебе как отвечать, по порядку? – снова донеслось из-за двери.

– Как хочешь.

– Тогда отвечаю на первый вопрос. Нравится мне твоя фамилия. А на второй – зайди сюда и узнаешь.

Егор сбросил ботинки, повесил куртку в шкаф и осторожно приоткрыл дверь.

– Люда, что за шутки? – в комнате было темно.

Никто не отозвался, Егор зашарил рукой по стене в поисках выключателя. Но вместо гладкого, холодного пластика, рука наткнулась на что-то мягкое и тёплое. Он отдернул руку и обернулся. Прежде чем дверь захлопнулась, он разглядел смутную фигуру. А затем его обняли мягкие руки, а рот

закрыли пахнувшие шоколадом и вином губы.

Он выпустил букет из рук и подхватил обнажённое тело на руки. В перерывах между поцелуями он прошептал:

– Люда, ты?

– Какой же ты дурачок, Дымов. Неси меня на кровать.

Больше в эту ночь они не говорили.

У них вообще сложились странные отношения. На людях Людмила старательно делала вид, что с Егором у неё чисто шапочное знакомство. Привет-привет, пока-пока. Но, по ночам! О, эти ночи! Они словно пили друг друга и не могли напиться. Днём бесстрастная и отчуждённая, по ночам она словно вулкан извергала на него лаву своей страсти.

Поначалу его обижало такое положение дел, но вскоре он с ним смирился, тем более что в нынешнем положении Егору приходилось вертеться словно волчку. Поток дотаций, с уходом из большого спорта, иссяк, стипендии он не получал, так как еле тянул учёбу. Приходилось работать ночным сторожем в детском саду. Зарплата не ахти, но вместе с пенсией матери жить можно. Так и крутился...

Тот, кем бы он мог стать, покивал, словно с чем-то соглашаясь.

Тот, кем он был, наклонился к Егору и зашептал:

– Что, туго братуха?

Егор согласился:

– Туго.

– А ты, что хотел?

Егор пожал плечами:

– Того же, чего и все.

– Во, как! – *тот, кем он был*, склонился ещё ближе, горячее дыхание обожгло ухо. – А откуда ты знаешь, чего все хотят?

– Не знаю, догадываюсь.

– А я вот, представь себе, не догадываюсь, просвети меня, а, братуха.

Егору надоел этот разговор, он и не представлял себе, что может быть таким въедливым.

– Отстань, ты это я, а значит, знаешь то же, что и я.

– Да ладно тебе, чё ты ломаешься, как девочка-целочка?

– Пошёл на фиг, урод.

– Хе-хе-хе, – *тот, кем он был*, заперхал горлом, – ну ладно, не хочешь говорить, так я тебе скажу. Хотел ты мил человек, счастья, да, братуха, простого человеческого счастья. Семьи крепкой, жену любящую и любимую, детей – мальчишка и девочку, да, или девочку и мальчика. Работы хорошей, приносящей моральное и финансовое удовлетворение, да.

Эти его, *да* и *а* в каждой фразе были противны Егору до омерзения. Но, ведь он сам так разговаривал, когда проводил допросы. Знал, как это нервирует, заставляет злиться и – значит сказать больше того, что собирался.

– А что у тебя есть, а, братуха?

– А что у меня есть? – эхом повторил Егор.

Тот, кем он был, покивал.

– Что! Есть! У нас! – *тот, кем он был*, медленно проговорил фразу, делая ударение на каждом слове. – У нас, понимаешь, у нас!

В пространстве повисла тягостная тишина.

– А, братуха? Что, есть у нас? Молчи, молчи, – *тот, кем он был*, прижал палец к его губам. – Я, тебе скажу, я! – он лихорадочно шептал, глотая окончания.

И, закончил по слогам шёпотом, тихим-тихим:

– Ни-хе-ра!

И заорал в пространство, прямо Егору в ухо:

– Э-ге-гей! Ни хера! Слышите вы, – *тот, кем он был*, повернулся сначала к тому, *кем он не был*, а потом к *тому, кем бы он мог стать*, – ни хера у нас нет. И у вас тоже нет, ни хера нет!

Проорав это, он враз, спущенным шариком, осел и тихо заплакав начал напевать:

Был я в школе герой, я учился на пять.

Я знакомые буквы любил повторять.

Я разглядывал книги как шифр, я пытался узнать,

Что такое весна.

Лишь однажды пытался я школу поджечь,

Да учитель узнал, спички выбросил в печь.

Мне хотелось огня и тепла, я не мог больше ждать,

Когда будет весна... ³⁷

Егор слушал его и, кивая в такт, тихонько повторял:

– Ни хера. Ни хера. Ни хера...

Господи! Как он добился того, что к тридцати трём годам у него собственно ничего нет, как говорил тот, кем он был – ни хера!

Ни семьи, как-то всё у них плохо складывалось с Людмилой.

Тайком они встречались до самого окончания института, её окончания, училась она на два курса младше и не на юридическом, а на финансовом.

Он уже пахал в ментовке, когда они расписались. Без лимузинов, белого платья, голубей и банкета. Он, она и два свидетеля: свидетельница – подружка невесты и свидетель – приятель свидетельницы.

Жить стали в однокомнатной квартире, папаша её подсуетился, был он мелким чинушей в налоговой службе, но хватку имел стальную, такую, что не вырваться, а вырвешься, так

³⁷ Пикник – Герой.

пожалеешь, что оказался на свободе.

Сейчас, оглядываясь на прожитые годы, он удивился, как они прожили с Людмилой девять лет? Почему не разбежались раньше, тогда, когда начались все эти недомолвки и разлады. Что их держало рядом друг с другом? Детей у них не было. Егор даже не мог сказать почему. Он не хотел? Хотел. Людмила? Она вроде тоже как ничего против не имела. Планы совместные строили, над именами спорили. Но рождение все откладывали. То, денег не было на содержание, то условия не позволяли, то вдруг её карьера в гору пошла, и уход в декрет рубил всё на корню, так что...

Так что, а что так?

Охладели они друг к другу или...

Или это она растеряла к нему чувства по дороге к успеху? Или это он измотанный работой, очерствел душой?

В общем, совместная их дорога вдруг начала расходиться. И чем дальше они шли, вроде как рядом, но уже не вместе, тем дальше отдалялись их жизненные тропки. Его вправо, а её влево...

Вот-вот влево, а точнее – налево.

Егор, как сейчас, помнил тот августовский жаркий вечер. Людмила задерживалась на каком-то то ли совещании, то ли встрече с клиентами, или вообще на корпоративе. Она говорила ему утром, когда собиралась на работу, почему её не будет дома вечером, да он, занятый мыслями о предстоящей выволочке от начальства, пропустил её слова мимо ушей. За-

помнил только, что вернётся она поздно и чтобы он не беспокоился. Вот Егор и не беспокоился. Он катил в троллейбусе на встречу с одним замечательным стукачком, обещавшим напеть кое-что интересное. Время восемь по полудню, а рогатый старичок битком. Плотная и потная масса людских тел прижала Егора к окну на задней площадке, прямо напротив распахнутая форточка, из которой бил в лицо поток тёплого воздуха. Егор невидяще смотрел на летнюю улицу, прикидывая вопросы, которые надо задать информатору.

От мыслей, бродивших в голове, его отвлекло алое пятно, промелькнувшее за окном. Егор сфокусировался на остановившемся рядом алом джипе, обтекаемом и мускулистом, словно присевший перед прыжком бультерьер. Тонированные окна скрывали пассажиров, и он остро позавидовал им, наслаждающимся кондиционированной прохладой кожаного салона, а то, что салон кожаный, он знал доподлинно. Точно такая тачка была у Людмилиного шефа. Мощная, красная словно флаг, ушедший в небытие страны, до отвращения красивая и роскошная.

Загорелся зелёный свет, троллейбус дёрнулся и поехал, джип плавно тронулся, проезжая мимо окна, у которого стоял Егор. Но уехать далеко они не успели, вновь остановившись едва миновав перекрёсток теперь уже в пробке. Сейчас Егору был виден только зад машины и часть передней дверцы со стороны пассажира.

Нетерпеливо он взглянул на часы.

Твою мать, на встречу со стукачом он опаздывал, а, впрочем – плевать, не барин подождёт. Егор вновь посмотрел на замершую рядом машину. Чёрное стекло, отражавшее троллейбус и толпу, истекающую потом в нём, поехало вниз. Из окна показалось тонкое запястье с изящной кистью, с зажатой меж пальцев дамской сигаретой с пегим и кривоватым столбиком пепла. Длинный палец с ухоженным алым ногтем легонько стукнул по сигарете, стряхивая пепел. Егор терпеть не мог таких вот ногтей – длинных и острых, словно у хищной птицы, да ещё такого вызывающе красного цвета, словно их обмакнули в кровь. Людмила его, как раз вчера вернулась из салона именно с таким маникюром, хотя и знала, что ему это не нравится.

Рука исчезла в салоне, но вновь появилась, но теперь уже вольготно расположившись в проёме открытого окна. Красивая рука, машинально отметил Егор – гладкая, загорела и. ... Вот ведь странно – будто бы знакомая.

Вдвойне странно, что знакомых обладателей таких шикарных машин у него не было. Если не считать...

Вот бл..ь!

Он весь покрылся липким, горячим потом.

Вот бл..ь!

Если не считать за знакомого шефа Людмилы. Но Людмила не курила. Или курила?

Вот бл..ь!

Троллейбус вздрогнул всем своим железным нутром и

чуть-чуть продвинулся вперёд.

За опущенным тонированным стеклом, прямо в шикарном кожаном салоне, сидела Людмила?

Людмила?!

Егор бессильно ткнулся лбом в крестовину рамы, силы внезапно покинули его. В салоне чужой машины сидела его жена. Он полностью не видел её, но не узнать просто не мог. Её волосы, её профиль, её шея, её плечо, её, мать твою, рука...

Курящая, и весело улыбающаяся, можно сказать, хохочущая, наверное, в ответ на удачную шутку водителя. Давно он не видел её такой беззаботной и весёлой, и никогда она так не смеялась над его шутками. Никогда!

Глаз он не видел, но был уверен – они блестят, тем блеском, что некогда блестели в темноте их спальни, когда она верхом на нём устраивала дикую и бешеную скачку страсти.

Вот бл..ь!

Бессилье ушло, сменившись бешеной дрожью готовых к действию мышц. Егор кинулся вперёд по салону, расталкивая возмущённых пассажиров, чтобы полностью увидеть жену, но троллейбус тронулся с места, а джип, взревев мотором, рванул вперёд, словно торпеда, пущенная по вражескому миноносцу. Егор, сменил курс, пробиваясь уже к дверям, но замер, не дойдя до выхода.

Какого чёрта! Он всё равно не успеет, машина умчалась, не догнать. Егор подавил бешеный порыв выскочить из горя-

чего нутра троллейбуса и разрядить всю обойму в зад красной машины и облокотившись на поручень, замер, закрыв глаза и прижавшись лбом к горячему и липкому металлу.

Мысли поначалу вихрем крутившиеся в голове, замерли и поползли усталыми улитками.

Как такое может быть? Его Люда и... Нет, нет, нет... Он ошибся, просто ошибся, мало ли похожих людей. Он начал лихорадочно вспоминать, во что была одета жена утром. Да, вроде как всегда – строгий тёмно-синий костюм, нет, нет... Жара, на улице жара. Она надела льняную и при этом безумно элегантную, как ему казалось, светло-серую пиджачную пару. Точно! Юбка чуть выше колен оттенявшая загар гладких ног и приталенный пиджак на одной пуговице, а под ним шелковая полупрозрачная блузка с рукавом три четверти – точно!

А, эта сидевшая в машине?

Он до боли зажмурился, восстанавливая в голове только что увиденное. Так, так, так. Кисть с зажатой сигаретой. Дальше гладкая загорелая рука, острый бугорок локтя и... и... и плечо!

Егор облегчённо выдохнул, только сейчас заметив, что всё это время не дышал. Плечо – голое, круглое и красивое! И что-то такое красное, лёгкое и на тонких бретельках. Так что, это была не она. Нет, не она – не Люда.

Он успокоил себя, хотя в глубине души...

В глубине души он знал – что-то не так. Они не спали

вместе вот уже несколько месяцев. Точнее, спали, но каждый под своим одеялом. Он даже не помнил предлог, под которым жена достала второе одеяло, то ли ей жарко было, то ли, наоборот, холодно. Последний раз они занимались любовью вначале неожиданно холодного июня. Он тогда пришел домой ближе к полуночи, жутко уставший и злой. Не поев и даже не приняв душ, что для него было редкостью, завалился спать. А под утро, когда начало светать, он проснулся оттого, что ощутил руку Люды на своём животе. Не поняв спр-сонья, в чём дело, он хотел сбросить её, но мягкая ладошка, приподняв резинку трусов, нежно погладила его член, и Егор мгновенно возбуждись, ужом, скользнул под одеяло жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.